

Кутузов

«Дух простоты и правды», проникающий все существо Каратаева, составляет отличительную черту и других народных типов Толстого. Крестьяне, солдаты, офицеры, вышедшие из народной среды (Тушин, Тимохин), и сам Кутузов являются национальными типами.

Кутузов обрисован Толстым с самой симпатичной стороны. Кутузов скромн, правдив, религиозен и проникателен... «В 12-м и 13-м годах Кутузова, – говорит Толстой, – прямо обвиняли за ошибки. Государь был недоволен им. И в истории, написанной недавно по высочайшему повелению, сказано, что Кутузов был хитрый придворный лжец, боявшийся имени Наполеона и своими ошибками под Красным и под Березиной лишивший русские войска славы полной победы над французами. Такова судьба великих людей *grand homme*, которых не признает русский ум... Между тем, трудно себе представить историческое лицо, деятельность которого так неизменно постоянно была бы направлена к одной и той же цели. Трудно вообразить себе цель, более достойную и более совпадающую с волей всего народа... Кутузов никогда не говорил о сорока веках, которые смотрят с пирамид, о жертвах, которые он приносит отечеству... он вообще не играл никакой роли, казался всегда самым простым и обыкновенным человеком... Начиная от Бородинского сражения, с которого начался его разлад с окружающими, он один говорил, что *Бородинское сражение есть победа*... Он один сказал, что *потеря Москвы не есть потеря России*... он один во время отступления французов говорил, что *все наши маневры не нужны, что все делается само собою лучше, чем мы того желаем*... И он один, этот придворный человек, как нам изображают его, в Вильне, тем заслуживая немилость государя, говорил, что *дальнейшая война за границей вредна и бесполезна*».

По И. Глебову

Подлинным полководцем народной войны, воплотившим дух всего русского народа, Толстой выводит Кутузова. Писатель показывает нам его и как простого и доброго человека, презирающего все показное, фальшивое, и как мудрого исторического деятеля, и как полководца.

Как основную черту Кутузова Толстой подчеркивает его связь с народом, «то народное чувство, которое он носил в себе во всей чистоте и силе его». «Только признание в нем этого чувства заставило народ... выбрать его против воли царя в представители народной войны. И только это чувство поставило его на... высшую человеческую высоту». Своим, родным чувствуют Кутузова солдаты и лучшие люди из дворян.

Андрей Болконский так объясняет Пьеру замену Барклая де Толли Кутузовым: «Пока Россия была здорова, ей мог служить чужой, и был прекрасный министр, но как только она в опасности, нужен свой, родной человек».

В своей философии истории Толстой, исходя из стихийности исторического процесса, отрицал роль личности в истории.

Выразителем своих взглядов в романе Толстой делает полководца Кутузова. Основу его взглядов составляет сознание, что творцом истории, исторических событий является народ, а не отдельные личности (герои) и что всякие рационалистически построенные теории, как бы хороши они ни казались, ничто перед той силой, которой является настроение, дух массы.

«Долголетним военным опытом, – пишет о Кутузове Толстой, – он знал и старческим умом понимал, что руководить сотнями тысяч человек, борющихся со смертью, нельзя

одному человеку, и знал, что решают участь сражения не распоряжения главнокомандующего, не место, на котором стоят войска, не количество пушек и убитых людей, а та неуловимая сила, называемая духом войска, и он следил за этою силою и руководил ею, насколько это было в его власти».

Толстой приписал Кутузову и свой ошибочный фаталистический взгляд на историю, согласно которому исход исторических событий заранее предрешен. «Он ничего не придумает, ничего не предпримет, – думал князь Андрей, – но он все выслушает, все запомнит, все поставит на свое место, ничему полезному не помешает и ничего вредного не позволит. Он понимает, что есть что-то сильнее и значительнее его воли, — это неизбежный ход событий, и он умеет видеть их, умеет понимать их значение и ввиду этого значения, умеет отречься от участия в этих событиях, от своей личной воли, направленной на другое...»

Но художник-реалист преодолевал философию фатализма, и в ряде существенных черт Кутузов в романе показан исторически верно: он обладает большим стратегическим мастерством, долгие ночи продумывает план кампании, выступает активным деятелем, за внешним спокойствием, скрывающим громадное волевое напряжение.

Носитель народного духа и народной воли, Кутузов глубоко и верно понимал ход вещей, в самом разгаре событий давал им правильную оценку, подтверждающуюся впоследствии. Так, он правильно оценил значение Бородинского сражения, сказав, что это — победа.

Для ведения народной войны, какой была война 1812 года, и нужен был, говорит Толстой, такой полководец. С изгнанием французов миссия Кутузова была выполнена. Перенесение войны в Европу требовало другого главнокомандующего.

«Представителю русского народа, после того как враг был уничтожен, Россия освобождена и поставлена на высшую ступень своей славы, русскому человеку, как русскому, делать было больше нечего. Представителю народной войны ничего не оставалось, кроме смерти. И он умер».

Изображая Кутузова как народного полководца, как воплощение народных мыслей, воли и чувства, Толстой нигде не впадает в схематизм. Кутузов – живое лицо. Такое впечатление создается у нас, прежде всего, потому, что Толстой наглядно, ярко рисует нам портрет Кутузова – его фигуру, походку и жесты, мимику, его глаз, то светящийся приятной ласковой улыбкой, то принимающий насмешливое выражение.

В целях более полного раскрытия образа Кутузова Толстой то дает нам его в восприятии различных по характеру и социальному положению лиц, то рисует от себя, углубляясь в психологический анализ своего героя. Глубоко человеческим и живым делают Кутузова сцены и эпизоды, изображающие полководца в беседах и разговорах с близкими и приятными для него лицами, вроде Болконского, Денисова, Багратиона, его поведение на военных советах, в битвах под Аустерлицем и Бородиным.

Речь Кутузова разнообразна по своему лексическому составу и синтаксическому строю. Он прекрасно владеет великосветской речью, когда говорит или пишет царю, генералам и другим представителям аристократического общества. «Я говорю только одно, генерал, – говорит Кутузов с приятным изяществом выражений и интонаций, заставлявшим вслушиваться в каждое неторопливо сказанное слово. – Я только одно говорю, генерал, что ежели бы дело зависело от моего личного желания, то воля его величества императора Франца давно была бы исполнена». Но он великолепно владеет и простым народным языком. «А вот что, братцы. Я знаю, трудно вам, да что же делать! Потерпите; недолго осталось... Выпроводим гостей, отдохнем тогда», – говорил он солдатам, встретив их по дороге от Красного к Доброму. А в письме к старику Болконскому он обнаруживает архаические черты канцелярского стиля этой эпохи: «Себя и вас надеждой льщу, что сын ваш жив, ибо в противном случае в числе найденных на поле сражения офицеров, о коих список мне подан через парламентеров, и он бы поименован был».

Речь Кутузова, как и других героев в эпосе, богата самыми разнообразными интонациями — от официально-торжественной до фамильярно-бытовой.

Благодаря указанным художественным приемам раскрытия образа Кутузов выступает в романе как живое лицо.

По А. Зерчанинову, Д. Райхину, В. Стражеву

В «Войне и мире» Толстой, отрицая какую бы то ни было роль личности в истории, в лице Кутузова задумал дать образ пассивного исполнителя воли народных масс. Мудрость Кутузова, по убеждению Толстого, заключается лишь в пассивном подчинении тому, что должно совершиться независимо от сознательной воли человека.

Но рассуждения автора о Кутузове часто противоречат живому его показу. Вот пример такого рассуждения: «...отсутствие всего личного в этом старике, в котором оставались как будто одни привычки страстей и вместо ума (группирующего события и делающего выводы) одна способность спокойного созерцания хода событий...» «У него не будет ничего своего. Он ничего не придумает, ничего не предпримет, — думал князь Андрей, — но он все выслушает, все запомнит, все поставит на свое место, ничему полезному не помешает и ничего вредного не позволит. Он понимает, что есть что-то сильнее и значительнее его воли, — это неизбежный ход событий, и он умеет видеть их, умеет понимать их значение и, ввиду этого значения, умеет отречься от участия в этих событиях, от своей личной воли...»

В «Войне и мире» Кутузов показан не в штабе, не при дворе, а в суровых условиях войны. Он производит смотр полка, ласково говорит с офицерами, солдатами. Он узнает среди них участников прежних походов, как, например, простого, скромного Тимохина, всегда готового и способного на бескорыстный героизм, часто незаметный для менее вдумчивого полководца. Солдаты подметили внимательность главнокомандующего.

«— Как же сказывали, Кутузов кривой, об одном глазу?

— А то нет! Вовсе кривой.

— Не... брат, глазастее тебя. Сапоги и подвертки все оглядел.

— Как он, братец, ты мой, глянет на ноги мне... ну! думаю...»

Французы разбили генерала Мака, без выстрела овладели Таборским мостом в Вене и двинулись наперерез русской армии.

Положение русских было настолько тяжелым, что, казалось, кроме капитуляции, не было другого выхода. Но решительный, смелый до дерзости Кутузов нашел этот выход. У него было три возможных решения: либо оставаться на месте со своей сорокатысячной армией и быть окруженным стопятидесяти тысячной армией Наполеона, либо вступить в неизвестные края Богемских гор, либо отступать на Ольмюц для соединения с идущими из России войсками, рискуя быть предупрежденным французами, и принять сражение на походе с втрое сильнейшим врагом, окружавшим его с двух сторон.

Как древний былинный богатырь, «Кутузов избрал последний выход», самый опасный, но зато и самый целесообразный. Искусный стратег, он использует все средства для того, чтобы спасти свою армию: посылает четырехтысячный отряд, во главе с храбрым, талантливым генералом Багратионом, запутывает французов в сетях их собственной военной хитрости, приняв предложение Мюрата о перемирии, энергично продвигает свою армию на соединение с войсками из России и выходит без ущерба для чести русской армии из безвыходного положения.

Та же решительность, твердость, в сочетании с большим воинским искусством и способностью мудрого провидения, являющегося результатом способности группировать события и делать из них выводы, характеризует Кутузова и во время боя под Аустерлицем.

Учитывая все обстоятельства, Кутузов категорически заявил императору, что сражения давать нельзя, но его не послушали. Когда же австрийский генерал Вейротер зачитыв-

вал свою надуманную, путаную диспозицию, старый генерал откровенно спал, так как знал, что ни помешать, ни изменить он ничего не может. Наступило утро, и русский главнокомандующий отнюдь не был простым созерцателем: выполняя свой долг, он отдавал целесообразные и ясные приказания.

Когда подъехал Александр I, Кутузов, дав команду «смирно» и салютуя, «принял вид подначального, нерассуждающего человека», в какое положение он действительно был поставлен. Император, видимо, понял скрытую насмешку, и эта «аффектация почтительности» неприятно поразила его. Свое отношение к императорской воле Кутузов выразил с непостижимой для придворных смелостью.

Александр I, подъехав вместе с австрийским императором к войскам, спросил Кутузова, почему он не начинает боя.

«— Поджидаю, ваше величество, – повторил Кутузов (князь Андрей заметил, что у Кутузова неестественно дрогнула верхняя губа, в то время как он говорил это «поджидаю»). – Не все колонны еще собрались, ваше величество». Императору этот ответ, видимо, не понравился.

«— Ведь мы не на Царицыном Лугу, Михаил Ларионович, где не начинают парада, пока не придут все полки, – сказал государь...

— Потому и не начинаю, государь, – сказал звучным голосом Кутузов, как бы предупреждая возможность не быть расслышанным, и в лице его еще раз что-то дрогнуло. – Потому и не начинаю, государь, что мы не на параде и не на Царицыном Лугу, – выговорил он ясно и отчетливо.

В свите государя на всех лицах, мгновенно переглянувшихся друг с другом, выразился ропот и упрек».

В этом сражении русские и австрийские войска потерпели поражение. Кутузов, так смело возражавший против плана, одобренного обоими императорами, оказался прав, однако это сознание не смягчало скорби русского военачальника. Он получил небольшое ранение, но на вопрос: «Вы ранены?» — ответил: «Рана не здесь, а вот где!» — и указал на бегущих солдат.

Кто бы ни был виноват в этом поражении русской армии, для Кутузова оно было тяжелой душевной раной.

Когда в 1812 году Наполеон вступил в пределы России, оставление Смоленска и последующие неудачи показали, в какой огромной опасности находится государство. Кутузов в это время был назначен начальником петербургского ополчения и занимался приемом ратников. Александр I был вынужден назначить его главнокомандующим, несмотря на свое к нему нерасположение. Андрей Болконский так объясняет Пьеру назначение Кутузова: «Ну, у отца твоего немец-лакей, и он прекрасный лакей и удовлетворяет всем его нуждам лучше тебя, и пускай он служит; но ежели отец при смерти болен, ты прогонишь лакея и своими непривычными, неловкими руками станешь ходить за отцом и лучше успокоишь его, чем искусный, но чужой человек. Так и сделали с Барклаем. Пока Россия была здорова, ей мог служить чужой, и был прекрасный министр; но как только она в опасности, нужен свой, родной человек».

Приняв командование армией, Кутузов первой своей задачей поставил поднять дух армии. Для этого он очень искусно пользовался каждым случаем.

Когда он подъехал к почетному караулу, «лицо его вдруг приняло тонкое выражение; он вздернул плечами с жестом недоумения.

— И с такими молодцами все отступать и отступать! – сказал он...

— Ура! ура! ура! – кричали сзади него».

Большое значение для конечного успеха кампании имело и его разрешение воинским частям все забирать или уничтожать по дороге: этим он не только улучшал снабжение своей армии, но и разорял край, по которому должен был идти неприятель. Свою тактику он определял так: «Взять крепость не трудно, трудно кампанию выиграть».

О том, с каким искусством и продуманностью расположил Кутузов свои войска перед Бородинским сражением, свидетельствует хотя бы поставленный в засаду на левом фланге корпус Тучкова, который Бенигсен, не понявший замысла Кутузова, самовольно приказал двинуть на возвышение.

Насколько он умел правильно распределять людей, говорит не только назначение Багратиона начальником авангарда в Шенграбенском сражении, но и приказание Дохтурову принять после ранения Багратиона в Бородинском сражении командование 2-й армией вместо принца Виттенбергского, который послал просить подкрепления, еще не доехав до места назначения.

Кутузов умел воодушевлять бойцов во время сражения. Так, когда было получено известие о пленении Мюрата, он не придал ему особенного значения, но «послал адъютанта проехать по войскам с этим известием».

Барклай де Толли, бывший на левом фланге, «видя толпы отбегающих раненых и расстроенные зады армии... решил, что сражение было проиграно, и с этим известием прислал к главнокомандующему своего любимца». «Вольцоген, заметив волнение “старого господина” (так называли Кутузова в своем кругу немцы), с улыбкой сказал:

— Я не считал себя вправе скрыть от вашей светлости того, что я видел. Войска в полном расстройстве...

— Вы видели? Вы видели?.. – нахмурившись, закричал Кутузов, быстро вставая и наступая на Вольцогена. – Как вы... Как вы смеете!.. – делая угрожающие жесты трясущимися руками и захлебываясь, закричал он. – Как смеете вы, милостивый государь, говорить это *мне*. Вы ничего не знаете. Передайте от меня генералу Барклаю, что его сведения неверны и что настоящий ход сражения известен мне, главнокомандующему, лучше, чем ему.

Вольцоген хотел возразить что-то, но Кутузов перебил его.

— Неприятель отбит на левом и поражен на правом фланге... Извольте ехать к генералу Барклаю и передать ему на завтра мое неперемное намерение атаковать неприятеля, – строго сказал Кутузов».

Эта яркая, живая сцена рисует Кутузова как активного, исключительно волевого человека, не поддающегося никакой панике и своими смелыми до дерзости действиями (без письменного приказа, боясь личной ответственности, бывший главнокомандующий не решался даже выполнять его распоряжение) оказывающего решающее влияние на ход сражения.

«И, узнав то, что на завтра мы атакуем неприятеля, из высших сфер армии услышав подтверждение того, чему они хотели верить, измученные, колеблющиеся люди утешались и ободрялись».

Несмотря на победу русских в Бородинской битве, Кутузов увидел, что защищать Москву не было никакой возможности. Он думал: «Москва должна быть оставлена. Войска должны отступить, и надо отдать это приказание». Отдать это страшное приказание казалось ему одно и то же, что отказаться от командования армией. А мало того, что он любил власть, привык к ней... он был убежден, что... он один во всем мире был в состоянии без ужаса знать своим противником непобедимого Наполеона».

Бенигсен, горячо выставляя свой патриотизм (Кутузов не мог не морщась слушать его), настаивал на защите Москвы. Совет в Филях он открыл вопросом: «Оставить ли без боя священную и древнюю столицу России, или защищать ее?» Последовало долгое и общее молчание. Все лица нахмурились». И тогда великий русский полководец со всей силой своего могучего ума и истинного патриотизма решительно и твердо поставил вопрос.

«— *Священную древнюю столицу России!* – вдруг заговорил он, сердитым голосом повторяя слова Бенигсена и этим указывая на фальшивую ноту этих слов. – Позвольте вам сказать, ваше сиятельство, что вопрос этот не имеет смысла для русского человека...

Вопрос, для которого я просил собраться этих господ, это вопрос военный. Вопрос следующий: «Спасенье России в армии. Выгоднее ли рисковать потерей армии и Москвы, приняв сражение, или отдать Москву без сражения?» Вот на какой вопрос я желаю знать ваше мнение».

Его последующие возражения Бенигсену неотразимы. Военный совет заканчивается столь смелым решением Кутузова, на какое, вероятно, не отважился бы никто из присутствовавших.

В противность мнениям генералитета, армии, императора, он объявил: «Но я (он остановился) властью, врученной мне моим государем и отечеством, я — приказываю отступление».

И это страшное приказание, которое старый главнокомандующий отдал с глубокой душевной болью, не убило его веры в конечную победу России.

Вечером к нему вошел адъютант Шнейдер и предложил ему отдохнуть.

«Да нет же! Будут же они лошадиное мясо жрать, как турки, — не отвечая, прокричал Кутузов, ударяя пухлым кулаком по столу, — будут и они, только бы...»

Кутузов понимал значение бездействия французской армии после занятия ею Москвы.

Он понял, что присылка Наполеоном Лористона в его лагерь с просьбой о мире — стон смертельно раненного зверя, и мир мог бы быть заключен на самых выгодных условиях, но в его ответе снова звучит сила и решительность волевого человека.

«Я был бы проклят потомством, если бы меня сочли первым зачинщиком какой бы то ни было сделки: такова воля нашего народа».

Вся последующая тактика Кутузова определяется двумя задачами: уничтожить врага и сохранить русские войска, ибо его цель не личная слава, а выполнение воли народа — спасение России. И эту задачу огромной трудности и ответственности он должен был выполнить в условиях всякого рода интриг ничтожных карьеристов, сильных своими связями с придворными сферами. Характерен в этом отношении эпизод под Тарутином, когда генерал Ермолов, чтобы «Коновницына подкатить», вместе с другими сорвал намеченное наступление на французов. Кутузов испытывал физическое страдание: «Когда был мальчишкой-офицером, никто бы не смел так насмеяться надо мной. А теперь!»

Толстой так характеризует тактику Кутузова: «Русская армия должна была действовать, как кнут на бегущее животное. И опытный погонщик знал, что самое выгодное держать кнут поднятым, угрожая им, а не по голове стегать бегущее животное».

Кутузов говорил, *«что с чем-нибудь надо прийти на границу, что за десять французов он не отдаст одного русского»*, и он поступал в соответствии с этим, не боясь царской немилости и борясь с противодействием окружающих.

«Простая, скромная и потому истинно величественная фигура эта, — говорит Толстой, — не могла улечься в ту лживую форму европейского героя, мнимо управляющего людьми, которую придумала история».

Эта фигура истинно величественна потому, что с простотой и скромностью здесь сочетались выдающийся ум, могучая воля и великое военное искусство, поставленные на службу родине.

Утверждая, что у Кутузова была «одна способность спокойного созерцания», Толстой в то же время, противореча этому, рисует его человеком мудрым, волевым, решительным, деятельным и отважным, верящим в русскую армию, в русский народ, любящим свою родину глубокой, деятельной любовью.

Человека больше всего характеризует его поведение, и поэтому, останавливаясь на авторских приемах раскрытия образа, необходимо всмотреться в манеру поведения Кутузова в различных случаях жизни. Он показан на протяжении всего романа в армии: то в суровых воинских буднях на фоне солдатской массы, то в соприкосновении и сопоставлении с другими военачальниками, то в тяжелом напряжении великих сражений.

Производя смотр полка в походе, главнокомандующий внимательно подмечает малейшие подробности внешнего вида солдат и делает на основании своих наблюдений общий вывод о состоянии армии. Высокое положение не является преградой между ним и рядовыми армейцами, и он не только узнает участника прежних походов скромного офицера Тимохина, но помнит и индивидуальные особенности этого человека.

Внимание Кутузова к рядовым бойцам выявляется в ряде других, не бросающихся в глаза деталей (интерес его к словам Бориса Друбецкого о том, что ополченцы перед Бородинским сражением надевают чистое белье, приказ сообщить по войскам во время Бородинского сражения о пленении Мюрата и т.д.).

Другие стороны этой многогранной и богатой натуры выступают во взаимоотношениях с людьми своего круга.

В то время как ничтожный трус Жерков издевается после поражения австрийской армии над ее генералами, вся поза Кутузова, когда он встречает генерала Мака, его манера поведения исполнены величавого великодушия: «Дверь кабинета отворилась, а на пороге ее показался Кутузов. Генерал с повязанной головой, как будто убегая от опасности, нагнувшись, большими быстрыми шагами худых ног подошел к Кутузову.

— Вы видите несчастного Мака, – проговорил он сорвавшимся голосом.

Лицо Кутузова, стоявшего в дверях кабинета, несколько мгновений оставалось совершенно неподвижно. Потом, как волна, пробежала по его лицу морщина, лоб разгладился, он почтительно наклонил голову, закрыл глаза, молча пропустил мимо себя Мака и сам за собой затворил дверь».

Совсем по-другому держит он себя с австрийскими генералами, требовавшими сражения под Аустерлицем и составившими бездарный план этого сражения.

Не будучи в силах предотвратить надвигающиеся события, он на военном совете, где Вейротер зачитывал диспозицию предстоящего сражения, откровенно спал. «Когда замолк однообразный голос Вейротера, Кутузов открыл глаза... прислушался к тому, что говорил Ланжерон, и, как будто говоря: «А вы все еще про эти глупости!», поспешно закрыл глаза и еще ниже опустил голову».

Совершенно противоположной является манера поведения Кутузова на военном совете в Филях, где решается судьба Москвы. Здесь он не только не засыпает, хотя два часа вместе с другими генералами ждет приезда Бенигсена, но все время внимательно вслушивается во все высказывания.

Он твердо и решительно придает им нужное направление и заключает совет категорическим и в то же время торжественным приказом об оставлении Москвы.

Попытка немецкого генерала на русской службе Вольцогена усомниться в силе русской армии вызывает в нем резкое проявление гнева, изображенное, как обычно у Толстого, с изумительной жизненной правдой.

Глубокого драматизма исполнена сцена скорби старого генерала, забывающего о своей ране при виде бегущих русских полков в сражении под Аустерлицем.

Величие и простота действенного патриотизма Кутузова выступают еще более убедительно при сопоставлении его с другими истинными героями: Тушиным, Дохтуровым, Тимохиным, Денисовым и массой безымянных героев — солдат и офицеров, самоотверженно и просто выполняющих свой долг перед Россией.

Противопоставление контрастных образов (карьеристов, лицемеров, равнодушных к судьбам родины, как, например, князь Василий Курагин, Борис Друбецкой, Бенигсен и др.) придает благородным чертам Кутузова и его сподвижников еще большую рельефность.

Но особенно важен для освещения личности великого русского полководца контрастный образ Наполеона. Если для Кутузова на первом плане стоит защита родины и спасение армии, то у Наполеона с его агрессивными планами — укрепление своего могущества, личная слава. Человечности, мудрости, простоте старого боевого генерала

противостоит бездушие, тщеславие, тупое самодовольство, актерство завоевателя, заставившего почти всю Европу признать его власть.

Своеобразна портретная характеристика Кутузова. Во внешнем облике своих героев Толстой обычно оттеняет только те черты, которые раскрывают их внутренний мир в тот или иной момент их жизни. При первом появлении в романе Кутузова автор не упоминает о его внешности, и только в последующем выступают отдельные скупые штрихи, дополняющие и углубляющие впечатление, сложившееся в результате показа его поведения.

В тяжелый для русской армии момент Кутузов принимает смелое решение. Когда он выходит на крыльцо, Андрей Болконский замечает его «орлиный нос», его «единственный зрячий глаз», в котором светилась мысль и забота. Несколько дальше упоминаются «чисто промытые сборки шрама на виске Кутузова, где измайльская пуля пронизала его голову, и его вытекший глаз». При виде этого шрама и увечья у князя Андрея зарождается мысль, что Кутузов имел право спокойно говорить о грозящей отряду Багратиона смертельной опасности.

Толстой неоднократно отмечает старческую тучность и физическую слабость Кутузова. А это свидетельствует не только о его возрасте, но и о тяжелых воинских трудах долгой боевой жизни.

Выражение лица Кутузова оттеняет сложность его внутреннего мира: желая отказать в помощи австрийцам, он придает своему лицу выражение грусти. Он «кротко» улыбается, почти открыто высмеивая хвастливость австрийского командования.

На лице его лежит печать озабоченности перед решительным делом. Выражение проницательности оттеняет его способность глубоко проникать в мысли и переживания других людей.

Необычайно богата речевая характеристика Кутузова. С солдатами, а часто и вообще с близкими людьми он говорит простым народным языком. «Нагни, нагни ему голову-то, – сказал он солдату, державшему французского орла и нечаянно опустившему перед знаменем преображенцев. – Пониже, пониже, так-то вот». Или: «А вот что, братцы, я знаю, трудно вам, да что же делать! Потерпите; недолго осталось. Выпроводим гостей, отдохнем тогда».

Изысканный язык дипломата звучит в беседе с австрийским генералом: «Я только одно говорю, генерал, – говорил Кутузов с приятным изяществом выражений и интонации, заставлявшим вслушиваться в каждое неторопливо сказанное слово... – Я только одно говорю, генерал, что ежели бы дело зависело от моего личного желания, то воля его величества императора Франца давно была бы исполнена. Я давно уже присоединился бы к эрцгерцогу. И верьте моей чести, что для меня лично передать высшее начальство армией более меня сведущему и искусному генералу, какими так обильна Австрия (говоря это, Кутузов знал о тяжелых поражениях австрийской армии благодаря бездарности ее командования), и сложить с себя всю эту тяжелую ответственность, для меня лично было бы отрадой. Но обстоятельства бывают сильнее нас, генерал».

Немногословностью, исключительной ясностью, прямоотой и категоричностью отличается речь командующего на военном совете: «Вопрос, для которого я просил обратиться этих господ, это вопрос военный. Вопрос следующий: “Спасенье России в армии. Выгоднее ли рисковать потерей армии и Москвы, приняв сражение, или отдать Москву без сражения?” Вот на какой вопрос я желаю знать ваше мнение». Не менее характерен строй и его заключительных слов на совете в Филях: «Но я... властью, врученной мне моим государем и отечеством, я — приказываю отступление».

Однако при всем многообразии строя речи Кутузова ей никогда не изменяет простота, ясность, немногословность, глубокая содержательность.

Характер Кутузова раскрывается через высказывания и рядовых солдат, и офицеров, и проницательного, по-государственному мыслящего Андрея Болконского.

Всю эту многогранную систему приемов построения образа Толстой как бы подытоживает прямой характеристикой Кутузова как носителя лучших черт русского народа, выражаемой непосредственно от лица автора.

По Н. Бражнику

Сила народного духа родит и выдающихся полководцев, осуществляющих в своей деятельности то, что нужно народу и чего хочет народ. Подлинное, нужное народу дело, приводящее к торжеству над врагом и к победе, выполняет, по мысли Толстого, лишь тот полководец, который умеет улавливать и постигать народный дух, умеет прислушиваться к настроению солдатской массы. Таков у Толстого Кутузов, взращенный военным гением Суворова и воплощающий в своей военной практике дух всего народа, на себе выносящий всю тяжесть ответственности за исход великого военного испытания.

Толстой изумляется тому, что Наполеон, «ничтожнейшее орудие истории», никогда и нигде, даже в изгнании, не обнаруживший в своем поведении человеческого достоинства, для ряда русских историков явился предметом восторга и восхищения, в то время как Кутузов, всегда, на протяжении всей своей деятельности, верный своим принципам, бывший необычайным в истории примером самоотвержения и глубокого понимания исторических событий, трактовался ими как жалкая и неопределенная личность. Толстой пишет: «А между тем трудно себе представить историческое лицо, деятельность которого так неизменно и постоянно была бы направлена к одной и той же цели. Трудно вообразить себе цель более достойную и более совпадающую с волею всего народа». И далее Толстой спрашивает: «Но каким образом тогда этот старый человек, один, в противность мнению всех, мог угадать, так верно угадал значение народного смысла события, что ни разу во всю свою деятельность не изменил ему?» И, отвечая на этот вопрос, Толстой говорит: «Источник этой необычайной силы прозрения в смысл совершающихся явлений лежал в том народном чувстве, которое он носил в себе во всей чистоте и силе его. Только признание в нем этого чувства заставило народ такими странными путями из в немилости находящегося старика выбрать его против воли царя в представители народной войны».

Кутузов до самой смерти утверждал, что Бородинское сражение было победой русских войск и что эта победа повлекла за собой катастрофу наполеоновской армии. В одном из черновых вариантов романа Толстой писал о Кутузове: «Приняв командование армиями в самую трудную минуту, он вместе с народом, и по воле народа, делал распоряжения для единственного сражения во все время войны, сражения при Бородине, где народ напряг все свои силы, и где народ победил, и где Кутузов, чувствовавший всегда вместе с народом, противно всем толкованиям своих генералов, противно преданиям о признаках победы, предполагающим занятие места, знал то, что знал весь русский народ, то, что народ этот победил». Кутузов это знал потому, что отчетливо понимал нравственное превосходство русского войска над французским. Когда генерал Вольцоген по приказанию Барклая-де-Толли доносил Кутузову, что все пункты наших позиций у Бородина в руках неприятеля, что вернуть их нельзя, что наши войска бегут и нет возможности остановить их, Кутузов с возмущением кричит: «Как вы... как вы смеете... Как смеете вы, милостивый государь, говорить это мне. Вы ничего не знаете. Передайте от меня генералу Барклаю, что его сведения неверны и что настоящий ход сражения известен мне, главнокомандующему, лучше, чем ему». При попытке Вольцогена что-то возразить Кутузов резко перебивает его: «Неприятель отбит на левом и поражен на правом фланге... Извольте ехать к генералу Барклаю и передать ему на завтра мое неперменное намерение атаковать неприятеля... Отбиты везде, за что я благодарю Бога и наше храброе войско. Неприятель побежден, а завтра погоним его из священной земли русской».

Военное чутье не обмануло Кутузова: как раз в это время к нему подъезжает генерал Раевский, находившийся в самой гуще боя, и сообщает, что наши войска стоят твердо на

своих местах и что французы не смеют больше атаковать. Кутузов распоряжается писать приказ о завтрашнем наступлении (которое, однако, по стратегическим соображениям оказалось невозможным) и велит объявить войскам о предстоящей атаке. Приказ главнокомандующего тотчас становится известным в армии, и измученные люди утешены и ободрены. Дух войска окрылен не самыми словами приказа, который доходил до армии в искаженном виде, но смыслом его, потому что сказанное Кутузовым вытекало из чувства, «которое лежало в душе главнокомандующего так же, как в душе каждого русского человека».

Кутузов сдает Москву Наполеону для того, чтобы спасти Россию, и в полной убежденности, что сдача Москвы не означает еще сдачи армии. Когда он затем узнает, что Наполеон ушел из Москвы, от волнения при этой вести он почти не может говорить и плачет от радости, что спасена Россия.

Еще Пушкин, как бы предвосхищая Толстого, удивительно глубоко осмыслил значение Кутузова как полководца в Отечественной войне 1812 года. Он писал: «Один Кутузов мог предложить Бородинское сражение; один Кутузов мог отдать Москву неприятелю; один Кутузов мог оставаться в этом мудром, деятельном бездействии, усыпляя Наполеона на пожарище Москвы и выжидая роковой минуты: ибо Кутузов один облечен был в народную доверенность, которую так чудно он оправдал».

Насколько Наполеон в своих поступках и речах декоративен, рассчитанно эффектен, настолько Кутузов внешне неказист и далек от того привычного трафарета, который обычно связывается с представлением о великом полководце. Никакого намека на позу, в противоположность Наполеону, у него нет. «Кутузов, — пишет Толстой, — никогда не говорил о сорока веках, которые смотрят с пирамид, о жертвах, которые он приносит отечеству, о том, что он намерен совершить или совершил; он вообще ничего не говорил о себе, не играл никакой роли, казался всегда самым простым и обыкновенным человеком и говорил самые простые и обыкновенные вещи».

Толстой достигает огромного художественного эффекта, изображая Кутузова на военном совете в Филях перед сдачей Москвы. Самая обстановка, в которой происходит совет, очень гармонирует со всем обликом Кутузова. Русские генералы во главе с главнокомандующим собираются в крестьянской избе вокруг елового стола, а на то, что они делают, смотрят «не сорок веков с египетских пирамид», а шестилетняя крестьянская девочка Малаша, робко забравшаяся на печь. Все симпатии Малаши на стороне «дедушки» Кутузова, не забывшего приласкать ее и дать ей за чаем сахару. В тех спорах, которые завязываются между «дедушкой» и «длиннополым», как она мысленно называла Бенигсена, она всецело на стороне «дедушки».

Рядом с Кутузовым представляется ничтожным пигмеем, тупицей и бездарностью не только Бенигсен, но и любой генерал, воспитанный на прусской военной доктрине и принимавший участие в войне 1812 года. Самоуверенная ограниченность этих генералов русской службы из иностранцев как военных деятелей ярче всего воплощена Толстым в образе генерала Пфуля, незадачливого организатора Дрисского укрепленного лагеря, оказавшегося совершенно непригодным для ведения войны.

Оценивая Кутузова как полководца, Андрей Болконский, которого в данном случае Толстой наделяет своими взглядами на Кутузова, думает о нем: «У него не будет ничего своего. Он ничего не придумает, ничего не предпримет, но он все выслушает, все запомнит... и ничего вредного не позволит. Он понимает, что есть что-то сильнее и значительнее его воли, — это неизбежный ход событий, и он умеет видеть их, умеет понимать их значение и, ввиду этого значения, умеет отречься от участия в этих событиях, от своей личной воли, направленной на другое». И это сознание дает уверенность Болконскому в том, что все будет у нас так, как должно быть. Уже от самого себя Толстой говорит о Кутузове: «Долголетним военным опытом он знал и старческим умом понимал, что руководить сотнями тысяч человек, борющихся со смертью, нельзя одному человеку,

и знал, что решают участь сражения не распоряжения главнокомандующего, не место, на котором стоят войска, не количество пушек и убитых людей, а та неуловимая сила, называемая духом войска, и он следил за этою силой и руководил ею, насколько это было в его власти».

По Н. Гудзию